

АЗЕР ЭФЕНДИ

LA FEMME FATALE

Рассказ

Грудь у неё была небольшая, но высокая и торчащая, как у козочки. И его взгляд непроизвольно задержался на упругих сосках, оттопыривавших белую блузку. Профессор даже перестал на мгновение перебирать клавиши рояля и медленно поднял голову, чтобы взглянуть на её лицо.

«Оп-па! – подумал он, – всем хороша!.. А глазища!.. Глядя в такие глазища, понимаешь: Господь Бог – не простой парень!..»

– А это ещё что за чудо?! – спросил профессор, мотнув головой в сторону девочки. Но его друзья, которые в ожидании застолья перемещались по комнате, беседуя и попивая азербайджанский коньячок, не успели ответить.

– Таких ещё две штуки на кухне, – сказала девочка, – вот что кафедра делает со своими выпускницами: сдали госэкзамены и – к плите!..

Эта встреча случилась двадцать лет назад, когда профессор приехал в Москву, чтобы отпраздновать с однокашниками свой полувек юбилей. У профессора были густые, волнистые, с лёгкой проседью волосы; глаза светлые (для азербайджанца) и «говорящие», но главное, что отличало его от доминирующего типа бакинской профессуры, – это лёгкость и артистичность облика. В те времена, когда он только начал преподавать в мединституте, за ним, как за тенорами тех лет, тянулся длинный хвост поклонниц из студенток (и не только), и было дело, одна доцентша, обойдённая его вниманием, с досады написала в партком и ректорат: «...об аморальном, для советского учёного, поведении молодого преподавателя...». Ну, молодого преподавателя, как водится, вышибли из института – он тяжело переживал и был недалёк от суицида... Спасло золото!.. Отец, богатый человек, вечером потрепал его за вихры и протянул завернутый в платок брикет – килограмм чистого золота! (Ах!.. советская власть!.. Не всех удалось обобрать!..)

– На, трать, – сказал он, – и ни о чём не думай!

ORO-терапия сразу возымела действие. Молодой повеса пошил чесучовый костюм, умыкнул с кафедры анатомии красивую лаборантку и уехал в Кисловодск поправлять нарзаном своё здоровье... а потом были Москва, Ленинград и т.д... В Баку он вернулся с баулом, битком набитым исписанными тетрадами и кусочками папиросных пачек, на которых, дабы не упустить мысль, набрасывал ночами пару слов. Спустя годы, рассказывая студентам об этом периоде жизни, профессор показывал несколько своих книг и назидательно говорил:

– Видите это?.. Ничего этого не было бы и в помине, не прогони они меня взащей... Человек никогда не знает: что для него воистину хорошо, а что – плохо. Поэтому, когда жисть прижмёт, кукситься не надо – вот она! – сермяжная правда...

Профессор свято верил в то, что говорил, – и сам с тех давних пор никогда не куксил.

А после возвращения из Москвы с молодой женой для него потекла жизнь, о которой он говорил: «Это миф, мной ни капельки не заслуженный!..»

Для неё погружение в Баку было волнующе-сказочным, как в магический свет зёрен расколотого граната. А по утрам протяжные крики разносчиков во дворе: «Икра! (с ударением на И), Минога! (в смысле – миноги), Мацон! Чёрек!» будоражили в её душе радость обещанием вечного солнца, как это случилось в её первый Новый

год в Баку, когда лёгкий золотистый свет заливал всё вокруг, слепил глаза, и люди ходили все одетые налегке и нараспашку. Это было так диковинно после хмурой, заснеженной, плохо освещённой по тем временам, сталинской Москвы...

Она полюбила жаркое бакинское лето, когда базар польхал всеми своими красками, а запахи тончайшим дурманом кружили голову. Она приносила домой пакет из плотной коричневой бумаги, ставила его на стол и не спешила разбирать – он благоухал, и ей хотелось прочувствовать всю перемешку этих пьянящих запахов в одном аккорде. Как-то раз она стояла зажмурившись, вдыхая запахи базилика, болгарского перца и мяты... и профессор не упустил своего: подкрался и успел слизнуть капельки пота, покрывавшие лёгкий пушок над её верхней губой.

Ближе к вечеру они часто совершали традиционный для бакинцев променады по Торговой на Приморский бульвар и обратно. В эти часы жара уже шла на убыль, и китайские бамбуковые зонтики от солнца, расписанные яркими цветами и райскими птицами, в руках женщин становились элементом скорее декоративным. На этом маршруте профессор то и дело раскланивался с известными в Баку людьми – и в эти моменты она льнула к его плечу, как кошечка, и говорила: «Боже!.. Ну, чуть ли не каждый встречный – свой, родной человек!..», – ей это очень нравилось.

А вот пляж был для неё одновременно и отрадой, и мукой. Отрадой, потому что она – дочь репрессированного дипломата – только на пляже, зарывшись в горячий песок и глядя в бездонную синеву неба, выпадала из времени и чувствовала себя абсолютно свободной, а мукой...

...Профессор любил плавать в ночном Каспии, заплывая так далеко, что пропадали из виду даже береговые огоньки, а ей было очень страшно стоять у моря в точке соединения воды, земли и звёздного неба и вглядываться в непроглядную, шевелящуюся тьму. И хотя она стояла, укутанная в махровое полотенце, по её телу то и дело пробегала противная, тревожная дрожь. Но когда он вдруг возвращался из ниоткуда, и они стояли уже оба, обёрнутые одним полотенцем, и она, прильнув к нему, ощущала мощные, гулкие удары его сердца, её охватывала эйфория слабости – тёплой, бездумной, как в детстве, когда её, искупанную и сомлевшую, укладывали в чистую, пахнущую снегом постель.

– Ты же не поступишь со мной, как жена с профессором Трояновским? – как-то ночью вдруг спросил он, играя её волосами, когда она положила голову ему на грудь.

– А как она поступила? Я же не знаю ваши бакинские штучки...

– Ах, да!.. Мне всё время кажется, что ты знаешь всё, что известно мне.

Она приподняла голову, заглянула ему в глаза и, улыбнувшись, сказала:

– Ну, что?! Что сделала эта женщина с бедным профессором?..

– ...гинекологом, между прочим!

– А что это меняет?

– Ну, казалось бы, он хорошо знал женщин со всех сторон...

Она хохотнула и закрыла ладонью его губы, сорвав ожидаемый поцелуй.

– Ну, слушай... дело было в старинные времена, когда о том, что ты появишься на белом свете, догадывался лишь господь Бог, а я уже был шепотным третьеклассником... Словом, как-то после школы мы побежали на Зелёный базар за кисляшками...

– Что за кисляшки?!

– Ну, это раскатывают такие тонкие пастилки из сока кизила, граната... и т.д. и т.п... Базар назывался Зелёным, но на нём продавали всё, что хочешь... кстати, там была полуподвальная джизбызня – ну, это что-то! – настоящее средневековье! Представь себе: спускаешься на несколько ступенек... полутьма... посреди большого прямоугольного помещения с низким потолком – большая квадратная жаровня из кирпича и над ней двухметровый круг чугунной сковороды, висящей на цепях! Пе-

чень, почки, жареная картошка... Запах!.. Ну, absolument parfait!..¹

– Да... впечатляет... но мне всё же хотелось бы о бедном профессоре...

– Ну, вот... между базаром (которого уже нет) и консерваторией (которой тогда ещё не было) начинались дворы одноэтажных плоскочерепиных домов... это всё тянулось к вокзалу и перешагивало его. У ворот одного из дворов мы увидели толпу людей. Они чего-то ждали. Мы тоже остановились. Нас никто не замечал. Из ворот выскочил какой-то человек и бросил в толпу: «Ведут, ведут!..» Толпа зашумела и раздалась на две стороны, и нас разбросало по сторонам. Из ворот вышел городской...

– Как, городской?!.

– Ха-ха-ха!.. Ну, свякнись уже с мыслью, что у тебя антикварный муж... Да-а-а, вот так вот и замечаешь, как коротка цепь цивилизации... То, что для тебя связано с именами Чехова, Бунина, для меня было прозой жизни... я же учился в первой мужской гимназии имени императора Александра третьего!..

– Теперь понятно, откуда у тебя соловьиные трели!..

– В общем, вышел городской, за ним двое полицейских, которые вели здоровенную русскую женщину – а лучше сказать, бабу – в терракотовом пальто. Следом вышли ещё двое полицейских, затем профессор, и замыкал шествие известный на весь Баку «доктор для бедных» Мамедрза Векилов – городская управа ввела тогда такую должность...

– Вот тебе на!.. А почему же рядом с профессором оказался «доктор для бедных»?.. профессор, ведь, наверное, был не бедненький... ну, в имущественном смысле...

– Видишь ли, Мамедрза был доктором городской управы... наверное, поэтому... и профессор, кстати, жил не у себя... как потом выяснилось, он ушёл из семьи и жил со своей акушеркой.

– Ага!.. с любовницей!..

– Нет. Эта бабища успела уже стать евойной жандой... Когда её вывели, она возмущённо передёргивала плечами и метала молнии себе под ноги. А он – пухленький, мордастенький, рыжая щетина на щеках, глаза в круглых очках, как вишнёвые косточки на дне хрустальных розеток... он мотал головой из стороны в сторону и бросал в толпу безумно-радостные, любопытствующие взоры... толпа всё время шушукалась, и когда мы собрались вместе, то для нас уже не было тайной всё происшедшее с профессором.

Оказывается, эта мерзавка построила в дальней комнате загон из стальных прутьев и когда приводила любовников, они загоняли беднягу туда, ставили миску с водой, забывали о нём, и только дня через три-четыре просовывали какую-нибудь котлетку, на которую он набрасывался, как зверь в зоопарке...

– Господи!.. – вздрогнула она.

– Нет, не то, не то... Дьявольщина!..

Таир уже несколько лет подряд снимал на лето квартиру у технических работников дома отдыха КГБ, чьи дома стояли на этой же территории.

Рухнул Советский Союз, экономика всех республик была разорвана в клочья, и чтобы поддержать материально обслуживающий персонал, руководство пошло на такое необычное послабление режима. И потянулась тонкая цепочка интеллигенции в этот райский уголок, где рыжие белки прыгают по верхушкам высоченных сосен и кипарисов.

Первое время отдыхающие чекисты испытывали неловкость, оказавшись на виду у посторонних, но потом пообвыкли, и кое-кто даже стал общаться с некоторыми из «дикарей».

¹ Бесподобно! (франц.).

Таир сдружился с двумя очень разными людьми, но всех их объединяла любовь к ночному звёздному небу. Любовь всегда многолика, вот и в этом случае: полковник в отставке Дроздов увлекался астрологией, офицер средних лет по имени Зардушт (Таир не знал его звания) верил в существование инопланетных цивилизаций и мечтал засечь хотя бы промельк летающей тарелки над Каспием и, наконец, Таир – сын астронома – знавший с детства все созвездия наперечёт, но по известной градации: «физики-лирики», он был скорее лириком и потому, вглядываясь в арабски звёздного неба, порою впадал в состояние приятного ничегонедуманья.

– Аллò!.. Таир, где вы?!. – полковник, шутя, несколько раз щёлкнул пальцами перед носом Таира. – Если бы мы уже три года не сталкивались здесь, я бы подумал, что у вас эпилептоидное сознание – так глубоко вы ушли в себя...

– Нет, эпилепсия бывает по-другому...я видел... – начал было Зардушт.

– Нет-нет, Зардушт, это разные вещи, – отрезал полковник.

– Я, конечно, с вами, дорогой Александр Борисыч... как же мне уйти сразу от двух чекистов? – улыбнулся Таир.

– Ну, в моём возрасте от меня уйти, наверное, не трудно, – сказал Дроздов, – тем более, что по первому образованию я филолог-романист: специалист по романским языкам, – уточнил он для Зардушта. – Московский университет и всё такое прочее...

– Я тоже специалист-химик, но от меня кошка-мышка не убежит! – сказал Зардушт и рассмеялся.

– Bravo! Вот он, счастливый синтез! – воскликнул Таир.

Они сидели за столиком в чайхане. Все столики стояли под навесом с краю прогулочной аллеи, протяжённой вдоль глубокого обрыва. Снизу поднимались высокие деревья, за ними виднелось чуть освещённое падающим светом пространство песчаного пляжа, а дальше, во всю ширь невидимого горизонта, под звёздным небом лежала шумящая темень Каспия.

Было поздно, и сладкий запах кустов олеандра сделался более вязким и ощутимым. Чайхана уже не работала, все столики были пусты, но три полуночника и не думали расходиться.

– Таир, мне показалось, что вы хотели что-то сказать, перед тем как отвлечьесь...

– Да в том-то и дело... я хотел сказать... что выпадаю из времени, когда смотрю на усыпанное звёздами небо... и-и-и... так оно и случилось... они так загадочно мерцают... как будто хотят сказать, что есть только вечность, а смерти нет...

– Э! Ты совсем как ребёнок говоришь! – засмеялся Зардушт.

– Нет, скорее, как романтик, – возразил Дроздов.

– Ну, какой я романтик?!

– Нет, романтик, романтик... в том, что вы говорите, сквозят чувство и вкус бесконечности, а в этом и есть суть романтического переосмысления религии. Я, к примеру, атеист-реалист, и для меня единственным богом является контент современной науки...

– А как же ваши метафизические увлечения, ваша астрология? – возразил Таир.

Зардушт со спортивным интересом стал посматривать то на одного, то на другого, он обожал их разговоры и весь превращался в слух. Он был выходцем из глухого района, из беднейшей большой семьи, но упорством и способностями сделавшим самого себя. Его хлебом не корми, только дай поучаствовать в атмосфере таких бесед.

– Да, – резво вступил он в разговор, – помните, тот раз вы говорили, что Кайлас как бы конденсатор божественной энергии?

– Нет, я говорил: не «как бы конденсатор», а – конденсатор «как бы божественной» энергии, имея в виду её универсальность. А что до астрологии – так в ней вообще нет никакой метафизики и никакой чертовщины. Вы же не будете спорить о том, что смена сезонов на земле зависит от солнечной эклиптики, а все моря и океаны подчиняются движению луны, и ни один хирург николаевских времён не назначал операции на дни полнолуния...

– Да, понятно, боялись кровотоечения... но я говорю о другом – как расположение звёзд и планет в момент рождения ребёнка может влиять на его судьбу, на весь жизненный цикл человека?..

– Ха-ха... «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!»...

Дроздов прикурил сигарету и выдохнул одно за другим три идеальных колечка. Ветра не было, и кольца почти вертикально стали подниматься вверх. Дроздов глянул на своих собеседников и рассмеялся:

– Этот трюк (если нужно выиграть время) – работает безотказно, без разбора национальности и на всех континентах. Я проверял... И так, что касается астрологии... Впервые она зацепила меня в булгаковском «Мастере...», в диалоге Воланда с Берлиозом... ну, вы помните, наверное: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь...» и т.д.

Мне стало интересно: а не водит ли нас за нос дорогой Михаил Афанасич (в жизни это бывало), или... Нет, оказалось, он всё точно уложил по астрологической карте! Вот тогда-то мне и пришла в голову мысль проверить астрологию методом постиндукции – пойти путём антрополога Герасимова, который по черепу восстанавливал внешний облик человека...

– Подождите! Не понял, не понял... – теряя нить, встрепнулся Зардушт.

– Сейчас всё объясню. Когда я возвращался из заграничных командировок на Лубянку, мой отдых обычно делился на две части. Часть времени я тратил на кропотливое изучение жизни нескольких выдающихся людей (к счастью, КГБ был безграничным банком информации), а потом прилетал сюда – очень люблю это местечко! – поселялся в том деревянном домике, с краю... кстати, проезд на ту часть территории тогда был закрыт – там селили обычно того, кто готовился к заграничной командировке или отдыхал по возвращении...

– Не знал этого, – с удивлением сказал Зардушт.

– Ну-тк, мне уже за семьдесят, дорогой мой... вот... и уже здесь принимался за вычисление астрологических карт по фактам биографии и составлял провиденческие прогнозы...

– Очень интересно! – всплеснул руками Таир.

– Да... – с уважением протянул Зардушт.

– Но надо чётко понимать, что гороскоп – это не приговор... Забыл вам сказать... огромным стимулом в этом увлечении для меня послужили лекции графа Вронского, которые он давал в закрытом режиме в нашей конторе... кстати, он очень любил повторять древнее изречение: «Звёзды правят дураками, а мудрый – своими звёздами»... Гороскоп – это подспорье... звёзды помогают лучше познать себя...

– На тему: познать себя, – перебил Дроздова Таир, – мудрили многие умники, но итог, по-моему, очень простенько подвёл Гёте, который сказал что-то в духе: вы только начните что-нибудь делать и сполна познаете самого себя.

Дроздов улынулся:

– Да, это очень по-немецки, но узко и далеко не сполна...

Зардушт влюблённо посмотрел на Дроздова, и в голове мелькнула мысль: «Мировой мужик! Ничего не боится! Даже на Гёте полез!»

– ...Ну, вот посмотрите, – продолжал Дроздов, – к чему сводится вся суть автовозждения?.. К тому, чтобы ехать и ни об кого не стукаться. Вот и астрология, от-

крывая человеку глаза на особенности его зодиакального рождения, помогает ему лучше прокладывать маршрут жизни и оберегает от ненужных столкновений...

– Александр Борисович!.. Вы мне, как отец!.. но откуда звёзды знают... – воскликнул Зардушт!

– Звёзды ничего не знают, дорогой Зардушт, они просто влияют, как... как атмосферное давление на барометр, например... а вы уже на всякий случай берёте с собою зонтик...

Упоминание о зонтике почему-то всех развеселило...

– Зонтик – это бесполезное дело у нас в Баку... когда дует наш хазри, от зонтика останется одна палка... – смеясь, выпалил Таир.

– Да-да, я знаю... однажды ваш хазри сорвал даже литературный вечер Есенина... Есенин остановился в «Новой Европе» – единственной шестиэтажной гостинице тогда посреди Баку, и хазри сделал своё дело – он так завывал и бился в окна, что у Есенина сдали нервы...

– Ну, откуда вы всё знаете!.. – с восторгом воскликнул Зардушт.

– Ааа...это? Это из книжечки «Балаханский май», кстати, вашего азербайджанца... московского журналиста Гусейна Наджафова...

Зардушт с горечью подумал: «Ай, Аллах! Этот Дроздов... Ну почему такого человека у меня не было в детстве»... Ему вспомнилось, как он и его маленькие братишки бегали в распоротых на попке штанишках, чтобы, не теребя мать, могли присесть под любым кустом... Глядя на Дроздова и Таира, как бы сравнивая с ними, он был уверен, что как специалист ничуть не уступает, по крайней мере, Таиру, если, конечно, взять каждого в своём деле... и можно ещё много чего прочесть, хвататься, но невозможно обрести лоск, который даётся благополучным детством...

– Да, об этом я тоже слышал... мне о литературных вечерах Есенина рассказывал профессор, – оживлённо встрял Таир, – я мальчишкой познакомился с ним на бульваре... Он так и представился: «Профессор» и приподнял соломенную шляпу, а я уже потом только так его и называл... Он первые годы учился в бакинском университете, когда ректором там в 20-х годах был знаменитый академик Сергей Давиденков, организатор первых в мире медико-генетических консультаций...

– Таир, боюсь, сердце Зардушта не выдержит, но...

– Не бойтесь! Сердцем Зардушта, я уверен, можно орехи колоть...

– ...но я должен признаться, что знал и Сергея Николаевича... правда, это было шапошное знакомство... Познакомились в Париже, когда он приезжал туда читать лекции по нейрогенетике...

– А знаете ли вы, что он страстно увлекался хиромантией, был глубоким мистиком и фаталистом?..

– Нет! А вот это интересно...

– Профессор рассказывал, что водил к нему Есенина, но о чём они говорили, осталось для него тайной.

– Тайной... – задумчиво повторил Дроздов и покрутил сигарету в пальцах, – как хорошо, что есть тайны, что они бесконечны и неисчерпаемы...

– Хорошо?! – удивился Зардушт.

– Да, дорогой Зардушт, тайны провоцируют наше сознание, нашу фантазию, и без них жизнь потеряла бы бурлеск откровений и авантюристичность... правда, есть ещё такая штука – любовь... вот тоже, пойди объясни её!..

– А зачем? Поэт же сказал: «...о любви в словах не говорят...», – возразил Таир.

– ...да-да: «...о любви вздыхают лишь украдкой, да глаза, как яхонты, горят...», – улыбнулся Дроздов, – но всё-таки это тоже: слова, слова, слова...

– А я не люблю тайны-майны... я люблю: всё чётко, как математика...

– Но математика, Зардушт, в высших проявлениях становится поэзией, а у поэзии всегда размытые границы... вот такая получается лента Мёбиуса...

Таир видел, что Зардушту требуется время, чтобы переварить разговор (Зардушт самостоятельно изучал русский, и язык Дроздова затруднял его), и Таир предложил пройтись и спуститься к морю. Они пошли по металлическому пандусу, который диагонально лепился к ровной стене обрыва.

– Мне очень нравится этот спуск, – обмолвился Таир.

Дроздов искоса посмотрел на него:

– Это вам привет из сталинского времени. Этот спуск сработан заключёнными, и уверяю вас, он до сих пор надёжен.

Лирическое настроение Таира было несколько подпорчено этим сообщением.

– А вы до сих пор верите в сверхчеловека? – с лёгким сарказмом спросил он.

Дроздов обезоруживающе рассмеялся:

– Ну, что вы! Миф о сверхчеловеке был развеян моей нянькой, когда мне было лет пять... Я всюду видел его портреты и бронзовые бюсты и как-то спросил у неё: «А дедушка Сталин кушает?..», а она, возьми да и скажи мне: «И пукает, и какает, как ты...», ну и всё...

Таир хохотнул, откинув голову вбок...

– Знаете, Таир, внешне вы вполне вписываетесь в парадигму азербайджанскости... но, странное дело, ваши манеры, жесты, мимика...

– Ну, может быть, оттого, что мама у меня грузинка и учился в русском секторе...

– То есть вы считаете, что язык – это даже нечто внешнеобразующее...

– Конечно, да. А вы посмотрите на носы и подбородки многих французов типа Луи де Фюнеса...

– Но у них есть и подбородок Жана Марэ...

– Это спорный вопрос, имея в виду нрав его матери...

Зардушт с любопытством глянул на Таира...

Они спустились к самому морю и пошли вдоль берега нестройным рядом по вязкому песку. Ветра не было, и волны тихо, со сливочным плеском выкатывались и убегали вспять. На пляже стояло много сквозных навесов из тростника и пожухлой травы, но по центру пляжа была вбита глухая ракушка из грубой соломы, открытая только на сторону моря.

Когда трое собеседников приблизились к ней, оттуда, как летучие мыши в сумерках, вылетели юные, судя по силуэту, мальчик и девочка. От неожиданности Зардушт выкрикнул по-азербайджански:

– *Buna bax! Neyniyirlər! Biabırçılıq!..*¹

– Ну, что они такого сделали... ну, напугали нас... – мягко, примиряюще, успокаивая Зардушта, сказал Таир.

– Нет-а... *mən deyirəm, gecənin bu vaxtı uşaqların burda nə iti azıb?!²*

Дроздов не владел азербайджанским, но, глядя на Зардушта своим многоопытным взором, всё понимал и лукаво улыбался.

– В этом возрасте, – сказал он, – им же, наверное, пятнадцать-шестнадцать?... у них нет тел... у них электрические оболочки... коснутся друг друга, и – искры сыплются из глаз... когда ж ещё сидеть в обнимочку и улетать туда?! – Дроздов показал рукой на небо.

– Дорогой Зардушт, а что? У вас было как-то по-другому?..

Зардушт не ожидал такого оборота и растерялся.

– У меня?.. Нет... у меня всё было, как положено... приехал в Баку... поступил... познакомился с девушкой... сказал родителям...

Зардушт говорил пыхтя, с расстановкой, потому что не привык лгать нагло, и ему трудно было запикивать в подсознание картинки, которые вдруг замаячили в го-

¹ Смотри на них! Что делают! Позор! (азерб.).

² Я говорю, в такое время детям, что делать здесь?! (азерб.).

лове: в десятом классе он был уже рослым, вихрастым, с горящими глазами и бело-зубой улыбкой парнем. Был лучшим учеником в школе, особенно по химии и математике, и директриса, которая параллельно вела класс математики, объявила, что будет заниматься с ним дополнительно, чтобы подготовить к поступлению в институт. Занимались в её кабинете. Зардушт жадно ловил всё новое и однажды так увлёкся, что аж испарина выступила на лбу. Она с умилением посмотрела на него, пригладила непокорные пряди и стала платочком промокать ему лоб. От платочка повеяло каким-то тонким манящим ароматом, и чтобы задержаться в нём, он непроизвольно дёрнулся вперёд и ткнулся носом в её запястье, а его губы легли на тонкую браслетку золотых часов... её руку обдало горячим дыханием юного обморочного желания...

– ...родители приехали... посватали...сейчас у нас двое детей...

– Счастливый вы человек, Зардушт, это не так часто случается, чтобы первый сексуальный опыт и любовь совпали.

Зардушт смутился – «эти русские так откровенно говорят...».

– Александр Борисыч, простите мою бесцеремонность, но в вашем тоне я уловил сожаление...

– Да какая там бесцеремонность!.. В моём возрасте любое воспоминание – вторая жизнь!.. Да и уловили вы всё верно, Таир!.. Хотя сожалеть-то не о чем... по правде сказать: благодарить надо!.. В сорок первом мне было тринадцать, и мы с матерью оказались в эвакуации в Челябинске – папино начальство постаралось... Приютила нас сердобольная женщина. Жили мы все в одной комнате, только её кровать стояла за ширмочкой. И вот однажды, рано утром мама ушла в рейд по окраинам Челябинска, обменять какие-то вещички на картошку, там у людей были свои маленькие огороды... А Анюта... ей было за сорок, но все её звали Анюта... и одевались ещё тогда так, что выглядела она бабушкой... Анюта пришла с ночной – она работала в хлебопекарне – стала раздеваться... расстегнула лифчик и начала соскребать с груди готовое тесто, которое вынесла из пекарни... обнажённая, бабушкой она уже не казалась, и мне так захотелось и кусочек дрожжевого теста, и!.. ещё чего-то... чего, в точности, я не знал... но моё тело знало лучше меня... Анюта обернулась – в сизом, неверном свете утра увидела, как я дрожу...

– Ну, что, малой – тяжело?.. Сейчас помогу...

Я спал на узком и низком, как железнодорожная койка, топчане. Анюте не нужно было куда залезать. Она расставила ноги, задрала юбку и оседлала меня, потом наклонилась, и на мои щёки с двух сторон легла её грудь, пахнущая дрожжевым тестом...

Да, сожалеть не о чем... надо только благодарить!.. – Дроздов засёк физиономию Зардушта и рассмеялся...

Зардушт онемел, преодолевая неловкость... в голове шипела мысль: «...уох-уох, böyük-küçük yoxdu onlarda...»¹

– Вы знаете, ребята, а здесь сыровато... влажность большая... для моих косточек это не есть хорошо... айда наверх... – Дроздов кивнул головой ввысь.

– Да, я тоже пойду, – неуверенно сказал Зардушт.

– А я ещё посижу «под синий *berceuse*² океана...», – подражая Вертинскому пропел Таир.

– «На жёлто-лимонном песке...», – уходя, подхватил Дроздов...

– Александр Борисыч, – окликнул его Таир...

– Ась?!

– А чем принципиально разведчики отличаются от обычных людей?!

¹ Нет-нет! Старший-младший – нет у них понимания (азерб.).

² Колыбельная (франц.).

– Работают без выходных... – вмиг отозвался Дроздов, и его проказливая улыбка мягко исчезла в бархатной растушёвке ночи.

Таир остался один, если не считать море, которое дышало ему в лицо...

Он на скамейке откинулся назад, упёрся затылком в грубую соломенную рогожу и прикрыл глаза... «Наступило вечное мгновение... Зардушт так любит умные разговоры... Дорогой Александр Борисович, вы мне, как отец... Нет, а что? Нормально... Дроздов – интеллеktуал, с ним интересно... У меня ведь тоже был чичероне, в своё время...».

Профессор всё больше и больше времени проводил, прогуливаясь по бульвару. В последние полгода у него выработалась привычка разговаривать с самим собой, и какие-то фразы непроизвольно выстреливали вслух. В этом случае лучшего времени, чем ранние утренние часы и терренкур вдоль берега моря, трудно было бы и сыскать. А ещё в конце бульвара – наискосок от Дома правительства – находился динамовский корт, куда по утрам регулярно захаживал профессор. Прошлым летом у него на корте появился юный соперник, которого вскоре в шутку стали называть «ваш сынок» – профессор улыбался, ему нравилось... на память приходила первая встреча: он сидел на скамейке в ожидании партнёров, глаза были прикрыты соломенной шляпой, из-под которой виднелась лишь узкая полоска гаревой дорожки... вдруг на ней крупным планом нарисовались белые кеды и раздался голос:

– Здравствуйте, меня зовут Таир...

– Прох-х-х-фессор, – нарочито серьёзно произнёс он и приподнял шляпу.

Перед ним стоял долговязый юнец... на фоне яркой голубизны неба черты лица не сразу обрели чёткость... профессор вздрогнул – весь облик в целом, как блик из прошлого, напомнил ему его самого.

– Ой! А я вас знаю!.. – вскрикнул Таир.

– Да?.. – ещё больше удивился профессор.

– Да! Вы же единственный в Баку ездите на велосипеде, да ещё в шортах!..

– Понятно, место городского сумасшедшего мне обеспечено...

– Ну, нет... я ничего такого не имел в виду, – смутился Таир. – Я хотел бы предложить вам «перекидку», чтобы размяться...

Профессор миновал Девичью башню и вышел к переходу на бульвар. На той стороне, вдоль бульварного окаймления, в глаза сразу бросилась широкая кумачёвая лента, на которой аршинными белыми буквами было написано: «Баку – красавец город! Приятно жить и трудиться в таком городе!» Л.И. Брежнев.

Профессор задержался на переходе, пока обозревал всю длину афоризма. «Ну, что ж, не солгал... молодец... Не успел уехать – уже цитируют... тоже молодцы... Если женщина красива и в постели горяча, это личная заслуга Леонида Ильича... и народ-мифотворец не дремлет... да... все хороши... только ты плохиш... а собственно, почему это я плохиш?.. Ну, полетела вся моя la vie intime в тартарары, но я – физиолог, я же не дуб стоеросовый – всё идёт своим чередом... чудак, а кому от этого легче?! ... бедная девочка... и тело, и психика страдают – вместо соития зего... я уже, как полгода, гоюсь только в ладушки поиграть!.. Ну, зачем!.. зачем Ты так устроил человека?! Мы были полноценно счастливы и по-прежнему любим друг друга, но законы, по которым живёт тело, не совпадают с законами души... как хорошо сказал поэт – как же его имя?!... Забыл...

*Моя любовь, минувя тело,
выпрастывается несказанной нежностью рыдающих слов!
Дай же жар зверя моей любви,
чтобы она обрела целостность
задуманного Тобою счастья!...*

... каждое слово – моя боль, мой крик... что же?! двадцать лет назад мы должны были думать о сегодняшнем дне?! и отказаться друг от друга... девочка моя, любимая моя... Ну, зачем Ты разрушил наш мир?!. Зачем поселил меня на альпийских лугах?.. холодно мне...», – профессор передёрнул плечами... и вправду, было прохладно на полукилометровой эстакаде, уходящей в море, куда профессор забрёл незаметно для себя. На самом конце эстакады возвышалась «стекляшка» – кафе «Садко», и профессор решил уже добраться туда и попить кофейку.

Эстакада была пуста, и чем дальше, тем ощутимей становились порывы свежего ветра и плеск волн. Профессор шёл, придерживая шляпу рукой, а в другой он нёс тонкую элегантную трость, привезённую из Парижа (младший брат профессора занимал хорошее положение в ЦК партии, и профессор всю пользовался его протекцией для вылазок за границу). Перед «стекляшкой» угадывалась маленькая фигурка, которая непонятно для чего маячила на ветру. Каково же было удивление профессора, когда в приближении он уразумел, что это Таир стоит с резко опущенной вперёд головой. В следующий момент Таир выровнялся, всплеснул руками.

– Это вы?! – воскликнул он. И профессор увидел, что у него на шее болтается тяжёлая, как чёрный кирпич, фотокамера «Комсомолец».

– Мальчик мой, что ты тут делаешь, и откуда у тебя этот раритет?!

– Это папин старый аппарат.

– У тебя нос потёк на ветру, идём согреемся... чашка кофе будет как раз...

– Они ничего не дадут. Я уже хотел... Говорят – рано...

– Поразительно! Эти люди готовы в любое время хапнуть сто рублей, но зарабатывать честно на своём рабочем месте какие-то деньги для них – рано!.. Идём. Подадут, как миленькие.

Профессор подошёл к двери и концом изящной, как клюв, бронзовой рукоятки трости постучал по стеклу. Из глубины кафе, как в аквариуме, выплыло недовольное лицо женщины средних лет. Она хотела жестом показать, что кафе закрыто, но, поддавшись обаянию профессора, приоткрыла дверь.

– *Salam əleykim*, – сказал профессор и широко улыбнулся.

– *Salam*, – отозвалась она и потеряла контроль над дверью...

Профессор обернулся к Таиру, взял его под руку и сказал:

– Проходи сюда...

– *Bu mənim tələbəmdir*¹, – доверительно, как старому другу, представил он ей Таира. – *Biz sənin iş yerində şəklini çəkmək istəyirik. Bilirsən, Moskvada sovet Azərbaycanının əlli illiyi münasibətilə foto-sərgi açılacaq... sən bizə kömək edə bilərsən?..*²

Буфетчик, который то ли дремал, то ли слушал мугам за стойкой, встрепенулся, убавил звук радио и спросил:

– *Nə istəyirlər?..*³

Женщина не успела ответить. Профессор в опережение махнул ему рукой и по-режиссёрски распорядился:

– *Sən də bura gəl. Kadrdə yaxşı görsənərsən.*⁴

– Так, – продолжал командовать профессор, – Таир, общий *çəkmə*⁵, видишь, здесь пусто, нехорошо, поэтому возьми средний план...

Таир тихо шепнул:

– У меня нет плёнки...

¹ Это мой студент (азерб.)

² Мы хотели бы сделать твоё фото на рабочем месте. Понимаешь, в Москве открывается фотовыставка, посвященная 50-летию советского Азербайджана. Поможешь нам? (азерб.)

³ Чего хотят? (азерб.)

⁴ Ты тоже иди сюда. Для кадра хорошо будет. (азерб.)

⁵ Не снимай (азерб.)

– Не имеет значения, – сквозь зубы процедил профессор, и уже громко продолжил, – вот он в белой тужурке... он как раз будет подавать, а женщина сядет за соседний столик... как клиентка...

Женщине роль клиентки явно понравилась, и, давась смехом, она крикнула буфетчику:

– Нә, Гюльбала, ну, что ж, *bu gün sən tənəi obxуживать elayəsəksən...*¹ хи-хи-хи...

– *Ay, Samayə!.. Ağ eləmə!*..²

– Так, так, так... – Профессор быстро вернул их в деловое русло, – что у вас есть?! Кофе, пирожные есть?! Всё несите!.. а ты – снимай...

Когда «творческий процесс» был окончен, женщина лисой начала было подползать к профессору:

– *Müəllim, mənə də bir dənə kartочка verərsiz?*³

– *Yox. Olmaz*⁴, – весомо возразил профессор и со значением пояснил, – *bu эксклюзив fotosessiyadır. Ancaq Moskva üçün.*⁵

Конечно, с Москвой не посоперничаешь, но она всё равно была рада, что где-то далеко какие-то люди будут смотреть на неё и узнают, что в Баку живёт такая вот женщина...

Теперь, после «трудов праведных», профессор и Таир сели за столик в дальнем углу, с видом на остров Наргин. Кофе был горячий, а пирожные свежие из холодильника – всё хорошо!.. Профессор заметил, что Таир чего-то хотел, но мялся.

– Что-то не так, Таир?

– Я хотел спросить... мы их обманули... по логике – это грех?..

Профессор посмотрел вдаль, и в его светлых глазах Таир увидел отражение Наргина...

– Ну, во-первых, логика скучна... это не мои слова – это Хичкок... а теперь давай разбираться: во-вторых, в-третьих и т.д... Мы разбудили это сонное царство, оживили жизнь, пробудили их мечты о том, что они могут быть кому-то интересны... дали получить первую прибыль с утра пораньше, а это дело святое – **Sifta**⁶! – ты же видел, как он поцеловал рубль и приложил его ко лбу! И, наконец!.. два не самых плохих человека на свете получили уют и пьют кофе! Видишь, иногда и грех может принести всем только пользу... Ну, вот, улыбаешься – вижу, что убедил...

Профессор сделал глоток кофе и взял в руки тяжёлую, хорошо сработанную камеру «Комсомолец».

– Мне нравится этот шильдик, видишь, как каллиграфически написано: «Комсомолец». Эта камера – точная копия «Бриллианта» – немецкого фотоаппарата тридцатых годов. У меня есть и то, и другое, и вообще, большая коллекция фотоаппаратов... А что ты ни свет, ни заря щёлкал на эстакаде?

– Последним кадром щёлкнул случайно вас на пустынной эстакаде... Я решил поступать во ВГИК на кинооператорский... там требуется предоставить комплект фоторабот... И ещё, хочу поучаствовать в конкурсе, посвящённом 100-летию Ленина...

– А это чего ради, дозволейте спросить?

Таир задумался.

– Ну, наверно... ради славы... мне ведь уже семнадцать лет!..

– Вот как! А знаешь, когда Бог отделил свет от тьмы, наград никаких не было, он просто посмотрел и сказал: «Это – хорошо».

– А что? Вы правда думаете, что Бог есть?

¹Сегодня ты будешь обслуживать меня. (азерб.)

²Ай, Самая, не зарывайся! (азерб.)

³Учитель, а мне тоже одну карточку дадите? (азерб.)

⁴Нет, нельзя. (азерб.)

⁵Это эксклюзивная фото-сессия, только для Москвы. (азерб.)

⁶С почином! (азерб.)

Профессор с горечью подумал: «Основы жизни предельно рациональны, как бы ни хорохорился человек»... Он посмотрел на бесконечное и всеохватное небо за спиной Таира и очень медленно, останавливаясь на каждом слове, сказал:

– На этот вопрос каждый человек должен ответить сам...

– Когда мне было тринадцать, я уже спрашивал об этом у отца...

– ... и что же он ответил?

– Он сказал: «Живи пока, как в раю, и... играй в футбол...»

Профессор рассмеялся.

– А мама – я знаю – против, чтобы я ехал куда-то учиться, а я уже решил: ВГИК – и всё!.. но силы нет поговорить с ней... а у вас такое бывает?

– Бывает...– профессор взял свою фетровую шляпу с соседнего стула, повесил её на ручку трости и слегка ударил пальцем по тулье – шляпа начала качаться...

– Видишь?.. У меня есть такой китайский болванчик – я привёз его из Индонезии – который ровно полчаса качает головой... им я отмеряю беседу с кем-нибудь из случайных посетителей, а если нужно сказать что-то, что мне трудно сказать, я просто жду, когда он кончит качать головой...

– Интересно! – с удивлением прошептал Таир.

– Знаешь что! А приходи-ка ты сегодня вечером к нам и выбери себе любой аппарат, какой понравится, снимай им... выбери какой-нибудь дальномерный со съёмными объективами...

– Правда?!. Я прибегу!..

По витой лестнице, как по стенке колодца, Таир взбежал на третий этаж. В тишине парадной он с замиранием сердца нажал на звонок. Дверь была высокая, резная. По стене её окаймляли стройные линии, которые над ней сплетались в лепное навершие. А высоко над головой всё завершал стеклянный купол, который в дневное время пропускал мягкий, рассеянный свет. Таир не слышал никакого движения за дверью, и когда она внезапно открылась, он стоял с задранной головой.

– Здравствуйте. Проходите. Что вы стараетесь разглядеть? – голос был мягкий, лишённый всякого официоза.

Перед Таиром стояла красивая, стройная женщина, в лёгком укороченном платье, которая пытливо оглядывала его.

– Я хотел разглядеть какую-нибудь звезду на небе, – смущённо сказал Таир.

– ...да, действительно, есть какое-то отдалённое сходство, – отвечая своими мыслям проговорила женщина и, уже обращаясь к Таиру, сказала, – не пытайтесь... голуби сделали своё дело, да и купол уже давно не мыт.

В коридоре появился профессор, он был одет так, будто только что пришёл.

– Вот молодец!.. Знакомьтесь, это Таир, о котором я тебе уже сотню лет назад говорил, а это – моя *la femme fatale!* – сказал профессор и мягко прижал её к себе.

– Я прошу тебя, завари, пожалуйста, вкусный кофе... («исправим то, с чего начался день», – бросил он в сторону Таира)... и приходи к нам... посидим в кабинете.

Тёмный, широкий паркет был хорошо навощён – Таир замешкался...

– Идём, что ты?...

– Может быть, я надену тапочки?

– А, вот, пожалуйста, бери.

Профессор открыл дверь и пропустил Таира вперёд.

Стена напротив сразу бросалась в глаза рядами книг в большом старинном шкафу с гранёными стёклами. Сбоку, притулённое к нему, стояло расчехлённое ружьё «Зауэр три кольца». При повороте направо открывался вид всего кабинета. В простенке, между двумя удлинёнными окнами с деревянными ставнями, стоял, как взлётно-посадочная полоса, дубовый письменный стол. Над ним висел фотопортрет весёлого молодого человека в кожаном комбинезоне на фоне самолёта МиГ-21.

Таир остановился напротив него – портрет был живой: чувствовались игра солнца и дрожание травы на земле. Профессор подошёл и положил руку на плечи Таира:

– Этот портрет сделал я... Это мой сын от первого брака... он был военным лётчиком...

Таир закивал головой, ему хватило чутья не задавать вопросов.

– Ну, а вот моя коллекция, – профессор подвёл Таира к стеллажу, – давай сразу выберем тебе машинку... я бы посоветовал вот эту... это «Киев-4», и вот этот объектив «Юпитер»... Ну, как? Подходит?..

– Здорово! – с горящими глазами воскликнул Таир, – теперь я буду крутиться, как чёрт!

– Лучше, как юла... – раздался женский голосок, – ... кофе готов, дорогие мальчики, прошу садиться, – и она поставила поднос на уютный столик рядом с камином. Столик был выточен из среза карельской берёзы и имел форму сглаженного треугольника, поэтому в застолье все оказывались совсем рядом.

– Ой, а вот и он! – воскликнул Таир, увидев на каминной полке китайского болванчика.

– Да, он самый... – сказал профессор и, садясь, щёлкнул пальцем по его лысой, блестящей голове...

Профессор был очень воодушевлён. Он увлечённо рассказывал о тонкостях фотографического искусства. Выяснилось, что его работа «Портрет, с падающей рамой» удостоилась серебряной медали на фотоконкурсе в Италии.

– А как же вы были против конкурсов сегодня утром... – удивился Таир.

– Не конкурсов... а против твоей мотивации, – ответил профессор. – Я же ухватился за конкурс в надежде получить у специалистов оценку своих потуг...

– Не потуг, а твоего творчества!.. Салех, ну к чему это самоуничужение?.. – и она накрыла ладошкой его пальцы.

– Детка, говорить о своём творчестве имел право Буонарроти, который четыре года, лёжа на спине, расписывал потолок Сикстинской капеллы... кстати, Таир собирается поступать во ВГИК на кинооператорский... и, по-моему, в нём есть всё, чтобы стать Мастером.

– О, это очень интересно: писать своими глазами жизнь! Удачи вам, Таир!

– Спасибо. Но пока это всего лишь моё решение...

– Вот и прекрасно! Ибо конечная цель – ничто, движение – всё!

– Нет. Но я хотел бы поступить...

– Поступить – значит набираться мастерства и опыта... а это, как горизонт, этим ты будешь заниматься всю жизнь...

– Таир, возьмите конфетку... рекомендую... она с ликёром...

– Эврика! Как хорошо, что ты напомнила... у меня же есть превосходный итальянский ликёр, – профессор поднялся и прошёл в гостиную.

– Лида! Я хотел бы и мадерцы захватить, где она? – донёсся голос профессора.

– На кухне. Я поставила слегка согреть!..

– Умница!..

– Таир, – Лида кивнула головой в сторону портрета на стене, – об этом лучше помалкивать...

– Я уже догадался...

– Ух, какой!.. – она улыбнулась ему в лицо.

«Красивая», – подумал он и смутился...

– Ну-с, с чего начнём? – профессор обратился к Таиру, – я советую с мадерцы... ликёр более вязкий, потом не даст ощутить вино...

Профессор увидел, что Таир колеблется:

– Не бойся! По рюмочке – это тебя не свалит... как меня учил камергер двора его императорского величества... – тут, профессор увидел, что оба с удивлением посмотрели на него, – ... ну, да, камергер... году в двадцать шестом... летом я обретался в Питере, то есть в Ленинграде... в маленьком ресторанчике познакомился... он забавно грассировал: «Юноша, вы не смотгите, что это дыга, зато здесь хагашо когмят...». Он учил меня: «Если вы будете из напитков составлять вегный ансамбль с едой – вы никогда не потегаете эквилибг»...

– Салех, дорогой, но сейчас ты выпадаешь из ансамбля с нами – нам принёс рюмочки, а себе – здоровенный бокал... – засмеялась Лида.

– Сегодня у меня сольная партия...

– Профессор, а почему на бутылке мадеры написано «Malvasia»?

– Мальвазия – это один из сортов винограда, из которого делается мадейра... будь здоров... ну, как тебе?

– Сладко...

– А ты запей кофе... Таир, тебе для ВГИКа нужны разножанровые фотосерики? Таир кивнул головой.

– Тогда у меня будет маленькая просьба... что, если ты начнёшь портретную серию с моей дорогой фам фаталь?

– С удовольствием!.. а можно и парный портрет...

– Нет-нет-нет... я сейчас уеду на дачу... (Лида с удивлением посмотрела на профессора)... до понедельника... у тебя будет парочка дней... а начать можешь... вот попробуй ещё ликёр... а начать можешь и... сегодня, чуть погодя...

Профессор поднялся. Лида и Таир тоже встали... Возникла странная, неловкая пауза... Профессор глянул на каминную полку – китайский болванчик замер и посмотрел на профессора в упор...

– Я люблю вас обоих!.. – хриплым голосом выдохнул профессор и, стоя над столиком, обнял их и притянул к себе – все трое соединились лбами... Глядя в их широко раскрытые глаза, профессор прошептал: «Парень с девкой – музыки не надо!»... И будет солнце, и новый день...

Профессор резко отпрянул...

– Таир, надеюсь, в понедельник я увижу серию...

Время остановилось – Лида и Таир услышали хлопòк входной двери – и время по капле стало просачиваться в тишину комнаты...

Таир поднялся со скамейки, скинул вьетнамки с ног и встал на кромке влажного песка... перед ним стояла бесконечная тьма, он ничего не мог разглядеть и только слышал, как она дышит... «Потустороннее царство», – подумал он.

Таир рупором сложил ладони у рта и крикнул в эту живую кромешную тьму: «Профессор!.. Лида!.. я люблю вас!..», – и как будто в ответ чёрная, тёплая волна обняла его щиколотки и просочилась в песок...